

К ВОПРОСУ О СОВРЕМЕННОЙ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКЕ В УЗБЕКИСТАНЕ

Азамат Эгамбердиев

Министерство юстиции Республики Узбекистан (Минюст) разработало и 25 апреля т.г. опубликовало для общественного обсуждения на портале СОБАЗ¹ законопроект, из которого вытекает, что должностные лица государственных органов и организаций могут быть оштрафованы за нарушения требований законодательства о государственном языке, в том числе за использование в делопроизводстве других языков (кроме узбекского). Согласно размещенным на портале материалам, законопроект разработан в соответствии с опытом зарубежных стран², предлагаемые меры должны обеспечить ведение государственными органами и организациями делопроизводство полностью на узбекском языке, повысить ответственность должностных лиц в данном вопросе, а также обеспечить развитие узбекского языка в качестве государственного языка.

Данная инициатива Минюста вызвала широкий общественный резонанс и в настоящее время активно обсуждается не только в профессиональном сообществе, но и рядовыми пользователями социальных сетей³. Критики законопроекта сетуют на то, что его положения нарушают конституционные права граждан – представителей более 130 национальностей и народностей, проживающих в стране, а принятие законопроекта ещё больше усилит отток из государственного сектора высококвалифицированных специалистов, не владеющих на должном уровне узбекским языком, а также приведет к обострению национального вопроса в стране.

Вместе с тем критики указывают на отсутствие в деятельности уполномоченных государственных органов системного подхода и эффективных мер, направленных на обеспечение необходимых условий для изучения государственного языка всеми гражданами. В качестве аргументов приводятся всё ещё имеющее место сосуществование двух алфавитов государственного языка – латинского и кириллицы, не до конца разработанные стандарты языка

¹ См. проект «Закона Республики Узбекистан о внесении дополнений в ст. 42 Кодекса Республики Узбекистан об административной ответственности» за № ID-17095, <https://regulation.gov.uz/oz/document/17095>. Примечание: СОБАЗ (Система оценки воздействия актов законодательства) – это система по обсуждению проектов, разрабатываемых нормативно-правовых актов и оценке действующих нормативных актов. Данная система функционирует на Едином портале государственных интерактивных услуг - regulation.gov.uz.

² Обосновывая положения законопроекта, Минюст заявил, что учитывал языковые законы и размеры штрафов за нарушение на примере Литвы, Латвии, Украины и Таджикистана. См.: напр. См.: «Госслужащих предлагается штрафовать за нарушение закона о госязыке» («Газета.уз» от 25.04.2020 г.), <https://www.gazeta.uz/ru/2020/04/25/official-language/>; материалы к проекту «Закона Республики Узбекистан о внесении дополнений в ст. 42 Кодекса Республики Узбекистан об административной ответственности» за № ID-17095, <https://regulation.gov.uz/oz/document/17095>.

³ См. например: обсуждение законопроекта на портале СОБАЗ (<https://regulation.gov.uz/oz/document/17095>), а также статьи и комментарии читателей к ним, опубликованные в следующих новостных интернет-изданиях: «Министерство юстиции предложило штрафовать должностных лиц, не использующих государственный язык в делопроизводстве» («Новости Узбекистана», от 25.04.2020 г.), <https://nuz.uz/obschestvo/48969-ministerstvo-yusticii-predlozilo-shtrafovat-dolzhnostnyh-lic-ne-ispolzuyuschih-gosudarstvennyy-yazyk-v-deloproizvodstve.html>, (дата обращения 18.05.2020 г.). «Минюст предложил ввести штрафы за то, что в госорганах делопроизводство ведут не на государственном языке» («Подробно», от 25.04.2020 г.), <https://podrobno.uz/cat/obchestvo/minyust-predlozil-vvesti-shtrafy-za-to-chto-v-gosorganakh-deloproizvodstvo-vedut-ne-na-gosudarstvennom-yazyke> (дата обращения 18.05.2020 г.). «Ведение работы на госязыке в госорганах не ущемляет прав граждан — Минюст» («Газета.уз» от 26.04.2020 г.), <https://www.gazeta.uz/ru/2020/04/26/language/> (дата обращения 18.05.2020 г.).

и дефицит специальных терминов в узбекском языке, проблемы с качественной учебной и научно-публицистической литературы для изучения языка, а также отсутствие эффективной системы обеспечения бесплатного обучения граждан узбекскому языку, что прямо предусмотрено действующим законодательством.

С точки зрения разработчиков законопроекта и его сторонников, введение штрафа за несоблюдение требований законодательства о государственном языке призвано повысить ответственность чиновников по соблюдению положений Конституции Республики Узбекистан и Закона Республики Узбекистан «О государственном языке», устанавливающих узбекский язык в качестве государственного языка и определяющих требования к его использованию. При этом они считают, что такая мера позволит повысить внимание общественности к необходимости изучения узбекского языка.

В связи с этой ситуацией возникают резонные вопросы: какие истинные цели преследуют власти при проведении языковой политики в современном Узбекистане? На каких принципах основана новая модель государственной языковой политики и какие методы применяются при её реализации? Отвечает ли современным требованиям действующее законодательство, регулирующее функционирование языков? С какими проблемами уже сегодня сталкивается узбекистанское общество, и какие последствия могут повлечь за собой принимаемые государством меры?

1. Особенности современной языковой политики

Первым импульсом к новой языковой политике в стране можно считать заявление председателя Сената Олий Мажлиса Республики Узбекистан Нигматиллы Юлдашева, сделанного 13 декабря 2018 года на заседании Верхней палаты парламента. Председатель Сената отмечая, что «исполнение Закона «О государственном языке Республики Узбекистан» брошено на произвол судьбы», акцентировал внимание своих коллег на ряд проблем исполнения положений данного закона (незавершенная работа по переводу узбекского языка на латинский шрифт, многочисленные факты принятия нормативно-правовых актов на русском языке и др.) и предложил Министерству юстиции усилить требования к исполнению закона⁴.

Следующим политическим шагом в этом направлении стало выступление Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева на торжественном собрании по случаю 30-летия придания узбекскому языку статуса государственного языка, которое состоялось 21 октября 2019 года. Подчеркивая значение узбекского языка в качестве «символа национального самосознания и государственной независимости, огромной духовной ценностью», глава государства справедливо отметил, что «вопрос государственного языка должен стать одним из основных принципов национальной идеи».⁵ Примечательно, что в этот же день президентом был подписан Указ «О мерах по кардинальному повышению роли и авторитета узбекского языка как государственного языка»⁶, который в качестве политико-правового документа определил ряд значимых мер по развитию государственного языка, тем самым анонсировал начало формирования в Узбекистане новой модели языковой политики.

⁴ См. «Нигматилла Юлдашев заявил, что в стране неуважительно относятся к узбекскому языку» («Kun.uz», от 13.12.2018 г.), <https://kun.uz/ru/news/2018/12/13/nigmatilla-uldasev-zaavil-cto-v-strane-neuvazitelno-otnosatsa-k-uzbekskomu-azyku> (дата обращения 18.05.2020 г.).

⁵ См. Выступление Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева на торжественном собрании, посвященном 30-летию придания узбекскому языку статуса государственного языка, г. Ташкент, 21.10.2019 г., <https://president.uz/ru/lists/view/2954>, (дата обращения 18.05.2020 г.).

⁶ См.: Указ Президента Республики Узбекистан от 21.10.2019 г. № УП – 5850 «О мерах по кардинальному повышению роли и авторитета узбекского языка как государственного языка», <https://lex.uz/ru/docs/4561747>. Особенно примечательно и то, что данный нормативный документ был принят «в целях кардинального повышения авторитета узбекского языка в социальной жизни нашего народа и на международном уровне, воспитания подрастающей молодежи в духе патриотизма, преданности национальным обычаям и традициям, преемственности богатого наследия великих предков, обеспечения полноценного внедрения в стране государственного языка».

Согласно данному указу 21 октября определен «Днем праздника узбекского языка»⁷. Это мера, по мнению главы государства, должна послужить «...не только росту национального самосознания, но и еще более активному применению государственного языка во всех сферах»⁸. Кроме того, в структуре Кабинета Министров Республики Узбекистан образован специальный «Департамент по развитию государственного языка», которому поручено заниматься развитием государственного языка, осуществлением мониторинга за соблюдением законодательства о государственном языке, внедрением эффективных форм общественного контроля в данной сфере; ускорением деятельности по разработке норм и правил письменной речи узбекского языка, а также полному внедрению узбекского алфавита, основанного на латинской графике; мониторингом и координацией деятельности по введению в оборот научно обоснованных новых слов и терминов, созданию узбекских альтернатив современных терминов и обеспечению их единообразного применения, а также реализацией ряда других задач в данной сфере⁹.

Указом были даны поручения правительству разработать проект Закона Республики Узбекистан «О государственном языке» в новой редакции, который должен быть подготовлен «с учетом требований сегодняшнего дня»¹⁰. Предусмотрено принятие правительством постановления о создании и регулировании деятельности Комиссии по терминам с целью официального введения в оборот научно обоснованных новых слов и терминов¹¹. Кроме того, предусмотрена подготовка до 1 июня 2020 года проектов Концепции и Государственной программы по развитию узбекского языка и совершенствованию языковой политики на 2020-2030 годы. При этом в самом указе определены основные направления дальнейшего развития государственного языка, среди которых особо выделяются такие задачи, как: «достижение полноценного и правильного использования возможностей государственного языка во всех сферах социальной жизни страны» (в том числе в государственном управлении, юриспруденции, дипломатии, военном деле, медицине), «сохранение чистоты» узбекского языка, «повышение авторитета государственного языка в качестве языка науки», а также «постоянное и всестороннее изучение фактов, связанных с нарушениями правил государственного языка».

Очевидно, что планируемые документы вызовут ещё больше дискуссий, чем инициатива Минюста о штрафах. В этой связи следует отметить, что согласно международным стандартам, разработка национальных концептуальных политико-правовых документов в сфере языковой политики и языкового планирования должна осуществляться в соответствии с моделью языковой политики страны. При формировании такой модели особо учитывается степень её идеологизированности, которая лежит в основе двух основных принципов языковой политики: 1) примат человеческой личности и гражданских прав перед интересами государства и национально-языкового коллектива; 2) примат коллективных и государственных интересов перед интересами личности и гражданина¹². Особую роль при этом должны играть методы формирования модели языковой политики и связанные с ними результаты: как правило, жесткий диктат сверху приводит к обострению национальных и языковых конфликтов, тогда как более гибкие методы позволяют сбалансировать национально-языковые интересы различных групп¹³. Принимая во внимание данные обстоятельства, хотелось бы надеяться, что при формировании новой модели языковой политики страны, из указанных двух принципов власти сделают выбор все же в пользу первого.

⁷ См.: п. 1 Указа, а также выступление Президента Республики Узбекистан на торжественном собрании, посвященном 30-летию придания узбекскому языку статуса государственного языка, г. Ташкент, 21.10.2019 г.

⁸ Там же. См.: п. 1 Указа, а также Выступление Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева на торжественном собрании, посвященном 30-летию придания узбекскому языку статуса государственного языка, г. Ташкент, 21.10.2019 г.

⁹ Там же. См. п.п. 2,3 Указа.

¹⁰ Там же. См. п. 4. Указа.

¹¹ Там же.

¹² См. Кузнецов С.Н. Модели языковой политики в русскоязычном обществе //Сборник тезисов Международного конгресса «Русский язык: исторические судьбы и современность» 13–16 марта 2001 г. – М.: Изд-во МГУ, 2001. – С. 308–309.

¹³ Там же.

2. Отдельные проблемы нормативно-правового обеспечения государственной языковой политики

В Республике Узбекистан нормативным документом, определяющим правила использования узбекского языка как государственного, выступает Закон Республики Узбекистан «О государственном языке»¹⁴ (далее – Закон), который был принят в 1995 году в новой редакции в развитие положения части 1 статьи 4 Конституции Республики Узбекистан¹⁵, согласно которому «государственным языком Республики Узбекистан является узбекский язык». Закон определяет, что «придание узбекскому языку статуса государственного не ущемляет конституционных прав наций и народностей, проживающих на территории республики, в употреблении родного языка» (ст.2). Между тем Закон не регламентирует употребление языков в быту, в межличностном общении и при отправлении религиозных и культовых обрядов, а граждане имеют право по своему усмотрению выбирать язык межнационального общения (ст. 3).

Вместе с тем Закон устанавливает, что в Узбекистане «обеспечиваются условия всем гражданам для изучения государственного языка и уважительное отношение к языкам наций и народностей, проживающих на ее территории, создаются условия для развития этих языков», а обучение государственному языку граждан «осуществляется бесплатно» (ст.4). Закон также требует, чтобы в сферах официального функционирования узбекского языка как государственного языка соблюдались «действующие научные правила и нормы узбекского литературного языка» (ч. 1 ст. 7). Однако можно ли считать, что исполнение указанных нормативных предписаний должным образом обеспечивается?

Так, новые научно обоснованные термины, согласно части 2 ст.7. Закона, должны вводиться в узбекский язык после общественного обсуждения и с согласия соответствующих комитетов палат Олий Мажлиса Республики Узбекистан. Однако вот уже более 25 лет Конституция Республики Узбекистан и Закон «О государственном языке», провозгласившие узбекский язык в качестве государственного, так и не обеспечены адекватными инструментариями реализации их норм. В результате этого всё ещё не разработаны нормы и правила письменной речи узбекского языка, имеется острый дефицит специальных терминов на узбекском языке, в том числе в сфере права¹⁶, продолжается сосуществование двух алфавитов узбекского языка: кириллицы и латиницы, остро стоит проблема подготовки качественных учебников и пособий, научной и научно-популярной литературы, связанной с изучением языка.

Кроме того, между бытовым узбекским и бюрократическим языком сохраняется огромная разница, а понять официальные документы иногда сложно даже тем, для кого узбекский родной¹⁷. Все эти обстоятельства не могут не сказываться на восприятии в обществе значения приданию узбекскому языку статуса государственного, а также обязанности при его использовании в официальном общении соблюдать научные правила и нормы узбекского литературного языка. Таким образом, отсутствие чётко определённых языковых норм и правил узбекского языка и адекватного инструментария их реализации, можно назвать главной проблемой нормативного регулирования в сфере языковой политики.

Другая не менее важная проблема заключается в обеспечении использования государственного языка в деятельности государственных структур. Непосредственно в сфере функционирования государственных органов законодательные акты регулируют использование

¹⁴ См. Закон Республики Узбекистан «О государственном языке» (в новой редакции) от 21.12.1995 г. № 167-I. <https://lex.uz/acts/121433>. Закон был разработан в новой редакции на базе Закона Республики Узбекистан «О государственном языке Республики Узбекистан» от 21 октября 1989 года (Ведомости Верховного Совета Республики Узбекистан, 1989 г., № 26-28, ст. 453) в целях совершения процесса последовательного внедрения государственного языка и обеспечения качественного перехода на узбекский алфавит, основанный на латинской графике.

¹⁵ См. Конституция Республики Узбекистан от 8.12.1992 г. (по состоянию на 10.05.2020 г.), <https://lex.uz/acts/35869>.

¹⁶ Так, например, вопреки концепции соотношения *контроля* и *надзора*, которая все ещё подробно не разработана в национальной юридической науке, для обозначения на узбекском языке указанных категорий, имеющих самостоятельное значение и собственное содержание, законодатель и правоприменитель использует только один термин - «назорат».

¹⁷ См. напр.: «На чистом узбекском. К спорам вокруг государственного языка в Узбекистане подключилась Москва» («Фергана.ру», от 19.05.2020 г.), <https://fergana.news/articles/118189/> (дата обращения 19.05.2020 г.).

государственного языка при взаимодействии частных лиц с государственными органами и предъявляют требования к использованию языка в работе органов государственной власти. В частности, Закон содержит положения, предусматривающие, что «в органах государственной власти и управления работа ведется на государственном языке, а по необходимости обеспечение перевода на другие языки» (ст.9). Законодатель также определил, что на «предприятиях, в учреждениях, организациях и общественных объединениях делопроизводство, учетно-статистическая и финансовая документация ведутся на государственном языке, а в коллективах, где большинство работающих не владеет узбекским языком, наряду с государственным языком может осуществляться и на других языках» (ст.10). Помимо положений Закона о государственном языке, законодательные акты, регламентирующие судопроизводство (УПК, ГПК, КоАС, ЭПК, КоАО), публикацию нормативных актов, проведение выборов и референдумов также требуют (за некоторым исключением) обязательного использования государственного языка в этих сферах.

Однако, несмотря на нормативное закрепление перечисленных требований, в делопроизводстве государственных органов и организаций, прежде всего на республиканском уровне, наряду с узбекским языком часто используется русский язык. Хотя надо и признать, что в последние годы начал расти документооборот на государственном языке. Эксперты, среди основных причин использования русского языка в государственных структурах, наряду с рассмотренными проблемами, называют высокий авторитет русского языка в политике, науке и обществе. При этом особо отмечается роль представителей «узбекистанской элиты» (государственные чиновники высшего ранга, видные деятели культуры и науки, общественные деятели, высококвалифицированные специалисты), получившие образование на русском языке.

3. Нормотворческая инициатива Минюста: целенаправленная стратегия или очарование законотворчества?

В местных социальных сетях, в целом положительно оценивая желания властей повысить статус государственного языка, отдельные пользователи критикуют власти за желание жёстко решить вопросы, касающиеся использования государственного языка. Большинство людей, отмечая существующие системные проблемы функционирования узбекского языка, недоумевают, почему в такой чувствительной для общества сфере всё должно решаться через наказание, а не через систему стимулов и поощрений. При этом ещё большую досаду вызывает у пользователей то, что этот законопроект хотят принять без каких-либо реальных консультаций с представителями нацменьшинств.

Принимая во внимание вышеприведенные проблемы обеспечения функционирования государственного языка, законопроект Минюста все же вызывает ряд вопросов. Инициатива Минюста, как ключевого органа правительства, ответственного за проведение «единой государственной правовой политики, координации и повышение эффективности правотворческой деятельности»¹⁸, штрафовать должностных лиц государственных органов и организаций за нарушения требований законодательства о государственном языке, на наш взгляд, не вполне соответствует общим закономерностям правового регулирования общественных отношений, складывающихся в сфере государственного языка. К такому выводу можно прийти, если проанализировать некоторые положения действующего законодательства.

Так, несмотря на достаточно широкий перечень норм Закона, законодатель установил ответственность за нарушение только отдельного ряда нормативно-правовых предписаний. В частности, Закон запрещает «пренебрежительное или враждебное отношение к государственному или другим языкам» и устанавливает ответственность лиц, «...препятствующих осуществлению права граждан на свободный выбор языка в общении, воспитании и обучении...» (ст.24). Юридическая ответственность за нарушения указанных норм

¹⁸ См. п.1. Постановления Президента Республики Узбекистан от 13.04.2018 г. № ПП-3666 «Об организационных мерах по дальнейшему совершенствованию деятельности Министерства юстиции Республики Узбекистан», <https://lex.uz/docs/3681788>.

определена в ст. 42 Кодекса Республики Узбекистан об административной ответственности¹⁹, согласно которой «нарушение прав граждан на свободный выбор языка в воспитании и обучении, создание препятствий и ограничений в использовании языка, пренебрежение к государственному языку, а также к другим языкам наций и народностей, проживающих в Республике Узбекистан, — влечет наложение штрафа от одной до двух базовых расчетных величин²⁰». Таким образом, административная ответственность за нарушения других императивных административно-правовых норм, в том числе устанавливающих обязательное введение делопроизводства на узбекском языке (ст.ст. 9 и 10), законодателем не установлена.

Указанные обстоятельства свидетельствуют о том, что при разработке в 1995 году Закона были приняты во внимание общие закономерности и особенности правового регулирования общественных отношений, складывающихся в сфере государственного языка. При этом законодателем были учтены требования, предъявляемые к правовому регулированию, в особенности требование недопустимости ущемления свободы субъекта права и требование учета интересов субъектов права. Все это позволяет говорить о разумном подходе прежнего законодателя в регулировании языковых отношений.

Вместе с тем, законопроект Минюста предусматривает дополнение ст. 42 Кодекса об административной ответственности второй частью следующего содержания: «Несоблюдение требований законодательства о государственном языке в делопроизводстве государственных органов и организаций – влечет наложение штрафа на должностных лиц от двух до пяти базовых расчетных величин»²¹. Таким образом, Минюст предлагает законодателю сделать акцент на санкции, что свидетельствует об отсутствии должного внимания к основополагающим факторам (причинам), лежащим в основе проблем функционирования государственного языка в стране.

Ограничиваясь ссылками на языковые законы и размеры штрафов за их нарушения на примере стран, чьи модели языковой политики вызвали на местах общественный резонанс и подверглись критике (Литвы, Латвии и Украины)²², разработчиками, к сожалению, не был должным образом учтен опыт развитых стран с правовой государственностью (например, Германии, Швейцарии, Канады). Опыт последних свидетельствует о том, что среди норм законодательства о языках более широко должны быть представлены стимулирование и поощрение. Общеизвестно, что чем больше зона правомерного поведения, тем меньше будет зона неправомерного поведения.

Рассматривая общее состояние правотворческой работы в стране, следует также отметить, что в последние годы в данной сфере растет «карательный дух», что сам по себе не только вреден, но и опасен. Делая активные попытки уменьшить зону неправомерного поведения, законодатель основной акцент в своей работе делает на санкции. К примеру, за последние годы объем статей Кодекса Республики Узбекистан об административной ответственности вырос в 2 с лишним раза за счет дробных составов правонарушений. К тому же когда в 1994 году был принят данный Кодекс, в нем было 201 статей, предусматривающих ответственность за соответствующие административные правонарушения, сейчас таких статей – 356. Таким образом, возникает естественный вопрос: не слишком ли уж нам понравилось очарование законотворческой деятельности?

В условиях трансформационных процессов социально-политических систем, происходящих в современном Узбекистане, упомянутые проблемы нормотворчества могут быть

¹⁹ Кодекс Республики Узбекистан об административной ответственности от 22.09.1994 г. (по состоянию на 10.05.2020 г.), <https://lex.uz/docs/97661>.

²⁰ В настоящее время размер штрафа составляет от 223 000,00 до 446 000,00 сумов. Базовая расчетная величина (БРВ) в Узбекистане применяется при определении размеров налоговых платежей, сборов, штрафов, государственных пошлин, платежей за оказываемые государственные услуги и патент (лицензию) на занятие определенным видом предпринимательской деятельности и иных платежей, установленных законодательными актами). В настоящее время БРВ составляет — 223 000,00 сумов.

²¹ В настоящее время это составляет от 446 тыс. сумов до 1,115 млн. сумов, или 44-110 долларов США.

²² См.: «Госслужащих предлагается штрафовать за нарушение Закона о госязыке» («Газета.уз» от 25.04.2020 г.), <https://www.gazeta.uz/ru/2020/04/25/official-language/>, а также материалы к проекту «Закона Республики Узбекистан о внесении дополнений в ст. 42 Кодекса Республики Узбекистан об административной ответственности» за № ID-17095, <https://regulation.gov.uz/oz/document/17095>.

решены в первую очередь путем изменения отношения как закону, так и праву в целом. При этом законодателю следует широко использовать познавательные инструменты, особенно при выборе цели и средств её реализации.

Актуальным является использование инструментов общего и юридического прогнозирования, которые при эффективном применении способны предотвратить риски неадекватного нормотворчества. Это в свою очередь может существенно повысить потенциал нормативно-правовых актов и минимизировать опасности. В этой связи следует особо отметить принятый недавно Указ Президента Республики Узбекистан «О мерах по дальнейшему совершенствованию деятельности органов и учреждений юстиции в реализации государственной правовой политики»²³, предусматривающий ряд новых концептуальных задач, направленных на качественную организацию Минюстом единой государственной правовой политики, в том числе нормотворческой деятельности.

4. Русский как язык межнационального общения или инструмент получения профессиональных знаний в условиях интеграции?

Все же не хочется верить, что государство собираются навязывать, запрещать и штрафовать, игнорируя объективную реальность. Реальность же такова, что узбекский язык особенно превалирует в официальной и образовательной сферах, при этом в последней лишь в силу большего количества классов/групп с обучением на узбекском. При этом в республике функционируют 8867 школ с обучением на узбекском языке, 383 – на каракалпакском, 739 – на русском, 505 – на казахском, 267 – на таджикском, 62 – на кыргызском, 50 – на туркменском.²⁴ В вузах страны обучение осуществляется на узбекском и русском языках, а в Республике Каракалпакстан – на каракалпакском, узбекском и русском языках. Кроме того, во многих вузах есть отделения и группы с обучением на языках коренных этносов Узбекистана: на казахском, таджикском, туркменском.²⁵ Все это говорит о том, что государство направляет немалые средства налогоплательщиков для обеспечения эффективности данного важного направления языковой политики.

Вместе с тем нельзя не констатировать, что представители других национальностей, проживающих в стране, как и большинство людей титульной нации, желающих совершенствовать свои знания, повысить общий кругозор и информированность, продолжают думать, говорить и писать на русском языке или начинают учить этот язык, одновременно стремясь овладеть другими иностранными языками, и прежде всего английским. Русский язык, являясь одним из 10 крупнейших языков мира, воспринимается в Узбекистане «как язык-посредник в полиэтнической среде и как язык – носитель научно-технической информации», поэтому в современной общественно-политической и культурной жизни страны он занимает особое место²⁶. Этим объясняется, почему «русскоязычные» группы/классы в детсадах, школах и университетах страны переполнены, а более 90% воспитуемых и обучающихся в них – это представители титульной нации, т.е. узбеки. В этой связи возникает логичный вопрос: не приведёт ли установление ответственности за использование в делопроизводстве русского языка к ситуации, когда карьера и социальные лифты на государственной службе станут просто не доступны для специалистов, получивших образование на русском языке и не владеющих в достаточной мере государственным языком? Наверное, в том числе и этим можно объяснить столь неоднозначную реакцию, которую вызвала инициатива Минюста как внутри страны, так и за её пределами.

²³ См. Указ Президента Республики Узбекистан от 19 мая 2020 года № УП-5997 «О мерах по дальнейшему совершенствованию деятельности органов и учреждений юстиции в реализации государственной правовой политики», <https://lex.uz/ru/docs/4820075>.

²⁴ См.: Иноятова Д.М. Языковая политика в современном Узбекистане /Текст научной статьи по специальности «Языкознание и литературоведение»/ [Электронный ресурс], <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-politika-v-sovremennom-uzbekistane> (дата обращения: 07.06.2020).

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

Между тем, в Узбекистане официально-правовой статус русского языка не определен. Русский язык имел статус языка межнационального общения вплоть до 1995 г., что было отражено в старой редакции Закона «О государственном языке» от 21 октября 1989 года²⁷. Однако в новую редакцию Закона это положение не было включено. В настоящее время русский язык упоминается лишь в законах Республики Узбекистан «О государственном языке» (ст.12) и «О нотариате»²⁸, во всех остальных случаях используется выражение «на других языках».

Таким образом, политика развития государственной поддержки наряду с узбекским других языков, будет в полной мере соответствовать публичным интересам. На наш взгляд, особое внимание следует уделять историко-правовым аспектам развития национальной государственности. Как известно, на территории современного Узбекистана местное население испокон веков говорило не на одном, а на нескольких языках и использовало их в официальной сфере. В этой связи необходимо осознать, что многоязычная среда, в которой формировались и продолжают формироваться личности детей из многих узбекистанских семей, – это благо и подарок судьбы. Человек, способный говорить и думать на двух и более родных языках, по определению обладает преимуществом, и это потенциальное преимущество должно реализовываться в работе, в жизни, в творчестве. Создавать условия для реализации этих преимуществ – одна из важнейших задач современной языковой политики государства. Здесь уместно привести слова Первого Президента Республики Узбекистан Ислама Каримова, который искренне призывая наших граждан к изучению языков, отметил следующее: «И разве не прекрасно, если представители русской национальности будут знать узбекский язык, а узбеки – русский, а наша молодежь к тому же будет учить ещё и третий»²⁹.

Особую актуальность вопрос изучения языков приобретает в связи с активизацией работы Узбекистана в рамках международных организаций, в том числе Содружества Независимых Государств (СНГ). Следует отметить, что в 2004 году Межпарламентской ассамблеей государств – участников СНГ был утвержден Модельный закон «О языках»³⁰, которые определяет принципы использования языков в официальных сферах в государствах-участниках СНГ и направлен на защиту и поддержку всех языков, функционирующих в государствах Содружества³¹. При этом часть 3 ст. 2 Модельного закона закрепляет, что «Русский язык, традиционно являющийся средством межнационального общения, имеет статус официального языка Содружества Независимых Государств в соответствии с законодательством государства – участника СНГ».

С учетом дискурсивной обусловленности употребительности русского языка на постсоветском пространстве, и прежде всего в странах Центральной Азии, вопрос правового регулирования статуса русского языка в Узбекистане требует серьёзного дальнейшего изучения на экспертном уровне. Отдельными экспертами озвучиваются предложения по заимствованию в этом вопросе опыта Казахстана, который в политике развития образования взял курс на «трёхязычие», чтобы все максимально владели и казахским, и русским, как языком межнационального общения, и английским, как языком международного общения³². В этой

²⁷ Ст. 1 Закона содержала положение, что «На территории Республики Узбекистан обеспечивается развитие и свободное пользование русским языком как языком межнационального общения народов СССР.» см. Закон Республики Узбекистан «О государственном языке республики Узбекистан» от 21 октября 1989 г., № 3561-XI (утратил силу в связи принятием в новой редакции Законом Республики Узбекистан от 21 декабря 1995 г. № 167-I «О внесении изменений и дополнений в Закон «О государственном языке Республики Узбекистан», <https://lex.uz/acts/108915>.

²⁸ Так, согласно ст. 11 Закона Республики Узбекистан о нотариате, по требованию граждан текст оформленного документа нотариусом или лицом, совершающим нотариальные действия, выдается на русском языке или, при наличии возможности, — на другом приемлемом языке.

²⁹ См. Каримов И.А. Узбекистан на пороге достижения независимости. Ташкент, 2011. С.48.

³⁰ См. Модельный закон «О языках», Приложение 2., принят на двадцать четвертом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ (постановление N 24 - 6 от 4 декабря 2004 года), <http://www.cis.minsk.by/page/7850>.

³¹ В законе рассматривается целый терминологический ряд (ст. 1): государственный язык – язык, законодательно закрепленный для обязательного использования в политической, экономической, социальной, культурной и других официальных сферах; официальный язык – язык, законодательно закрепленный для использования в официальных сферах наряду с государственным; язык национального меньшинства – язык этнической группы, проживающей на территории государства.

³² См. «Новый законопроект о госязыке в Узбекистане — мнения экспертов и граждан» (Sputnik Узбекистан, от 28.04.2020 г.), <https://uz.sputniknews.ru/society/20200428/14018186/Novyy-zakonoproekt-o-gosyazyke-v-Uzbekistane--mnenie-ekspertov-i-grazhdan.html>.

связи также уместно привести высказывание всемирно известного писателя и государственного деятеля Чингиза Айтматова, чьи любимыми всеми нами произведения актуальны и сегодня, а сам автор был неоднократно награжден высшими государственными наградами нашей страны. В одном из своих интервью Чингиз Айтматов особо подчеркнул, что «Если каждая из нынешних суверенных республик заикнется на своем языке, она невольно изолируется от окружающего мира. Беречь национальную культуру – вовсе не значит сохранять все традиции в их неизменности и догматичности. Все должно развиваться»³³.

5. Споры вокруг новой языковой политики: от «необоснованной оценки» до «вмешательства во внутренние дела суверенного государства»

От новой волны языковой политики в Узбекистане не осталась в стороне и официальная Москва. В частности, пресс-секретарь МИД РФ Мария Захарова во время брифинга в российской столице, высказываясь по поводу статуса русского языка в Узбекистане, прокомментировала законопроект Минюста. По словам Захаровой, большинство комментариев в СМИ свидетельствует о сохранении в стране русского языка «..в официальном обиходе в полном объеме», что «...в полной мере соответствует духу истории, современному качеству двусторонних отношений, а главное, интересам самих граждан Узбекистана, которые зачастую делают выбор в пользу учебы и работы в России»³⁴. Эти комментарии официального представителя российского внешнеполитического ведомства вызвали в Узбекистане волну критических реплик и замечаний. Так, ряд политических и общественных деятелей страны осудили выступление Захаровой, расценив его как вмешательство во внутренние дела страны.

К примеру, министр культуры Узбекистана Озодбек Назарбеков заявил, что интерес к узбекскому культурному наследию переживает спад, и поэтому лично он как пропагандист культуры выступает за законопроект, который отдает приоритет узбекскому языку³⁵. Подчеркивая негативный опыт в повышении статуса русского языка за счет принижения узбекского языка в советское время, министр культуры призвал общественность к защите государственного языка³⁶. Депутат Законодательной палаты Олий Мажлиса, председатель движения «Юксалиш» Акмал Бурханов задался вопросом, насколько правильно высказываться представителю внешнеполитического ведомства другой страны на тему государственного языка в Узбекистане. При этом Бурханов подчеркнул статус узбекского языка в качестве государственного, а «...ведение делопроизводства в госорганах на государственном языке – это требование закона»³⁷. Исполнительный директор «Центра развития» Элдор Туляков обвинил Захарову в неэтичном дипломатическом поведении, а её высказывание назвал необоснованным и не соответствующим международным правовым нормам. При этом он также отметил, что законопроект активно поддерживается большей частью населения, в том числе представителями национальных меньшинств³⁸. Депутат Законодательной палаты Олий Мажлиса Расул Кушербаев, выступая в поддержку законопроекта Минюста, заявил о необходимости повышения ответственности при использовании государственного языка в

³³ См. Чингиз Айтматов, интервью российской газете “Новые известия” от 23.12.2003 г., <https://newizv.ru/news/culture/23-10-2003/2262-chingiz-ajmatov>.

³⁴ См. видео брифинга официального представителя МИД РФ Марии Захаровой (14 мая 2020), https://www.youtube.com/watch?v=FRW8yZfo19Q&feature=emb_logo.

³⁵ См. страницу facebook: https://www.facebook.com/permalink.php?story_fbid=3059935490729350&id=131713646884897&_tn_=_K-R

³⁶ Там же.

³⁷ См. «Урегулирование вопроса о государственном языке относится к внутренней политике суверенного государства» – Акмал Бурханов ответил на слова Марии Захаровой («Kun.uz», от 15.05.2020 г.), <https://kun.uz/ru/36009308>.

³⁸ См. «Элдор Туляков: «Комментарии Захаровой по законопроекту о делопроизводстве на госязыке являются необоснованными» («Kun.uz», от 16.05.2020 г.), <https://kun.uz/ru/news/2020/05/16/eldor-tulyakov-kommentarii-zaxarovoy-po-zakonoprojektu-o-deloproizvodstve-na-gosyazyke-yavlyayutsya-neobosnovannymi>.

официальном обороте и подчеркнул, что «Узбекистан является суверенной страной с официальным государственным языком. Остальные должны уважать этот суверенитет»³⁹.

Внешнеполитическое ведомство Узбекистана, реагируя на заявление официального представителя российского МИДа, отметило, что регулирование сферы государственного языка является «исключительной прерогативой внутренней политики» и «не приемлет вмешательства»⁴⁰. Сославшись на Конституцию страны и Закон «О государственном языке», МИД подчеркнул, что в республике гарантируется возможность беспрепятственного изучения и использования родного языка, в частности при обращении в госорганы⁴¹.

Примечательно, что все отреагировавшие на заявление Захаровой, не согласились с выводом российского дипломата относительно того, что у законопроекта Минюста мало сторонников и указали на необоснованность этого заявления. При этом никто из тех, кто официально высказал свое мнение о законопроекте Минюста, к сожалению, не затронули актуальные вопросы, связанные с системными проблемами и путями их решений в условиях формирования новой языковой политики.

Кроме того, не были упомянуты международные стандарты, предусматривающие действенные инструменты мирного и сбалансированного регулирования вопросов в сфере использования языков в современном обществе. Так, в соответствии со статьями 6 и 7 Декларации ООН о правах лиц, принадлежавших к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам, принятой резолюцией 47/135 Генеральной Ассамблеи от 18 декабря 1992 года, государствам, руководствуясь такими международными стандартами для разрешения языковых вопросов в русле соблюдения прав человека, следует сотрудничать в вопросах, касающихся лиц, принадлежащих к меньшинствам, в том числе в обмене информацией и опытом, с целью развития взаимопонимания и доверия.

Заключение

Языковая политика для Узбекистана, как и для любой многонациональной страны, является приоритетом для государства и вопросом, чувствительным для всего общества. Она должна быть всесторонне продуманной, сбалансированной и актуальной, а также отвечать актуальным тенденциям, с особым вниманием реагировать на их изменения. Вместе с тем вопрос поддержки узбекского языка как государственного языка должен быть ключевым в современной языковой политике страны. Актуальная задача государства – обеспечить конкурентоспособность и притягательность узбекского языка как развивающегося средства общения людей нашей многонациональной страны.

Рассмотренные проблемы и вызовы ставят перед властью и обществом задачи формирования эффективной модели языковой политики на основе глубокого и всестороннего анализа. Это задача может и должна быть решена в рамках подготовки новой редакции Закона Республики Узбекистан «О государственном языке», а также проектов Концепции и Государственной программы по развитию узбекского языка и совершенствованию языковой политики на 2020–2030 годы. При этом государство не должно допустить, чтобы эти документы стали источником социальной напряженности в обществе.

Об авторе

Эгамбердиев Азамат Уктамович, кандидат юридических наук, и.о. доцента кафедры Государственного права и управления Ташкентского государственного юридического университета, самостоятельный исследователь Германского исследовательского института публично-правового управления (г. Шпайер). Сфера научных интересов: проблемы государственного (публичного) управления и административного

³⁹ См. «На чистом узбекском. К спорам вокруг государственного языка в Узбекистане подключилась Москва» («Фергана.ру» от 19.05.2020 г.), <https://fergana.news/articles/118189/>.

⁴⁰ См. «МИД: «Вопросы регулирования сферы госязыка не приемлют вмешательства» («Газета.уз» от 25.04.2020 г.), <https://www.gazeta.uz/ru/2020/05/18/language/>.

⁴¹ Там же.

права, административной юстиции, уголовно-процессуального права и организации правоохранительной деятельности, нормотворческий процесс, источники права, юридическая техника, проблемы правопонимания. Автор многочисленных статей, ряда учебной и научно-практической литературы.